
А. С. АХИЕЗЕР, М. Э. РЯБОВА, Н. С. САВКИН

МАРКSOBA КОНЦЕПЦИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

Труд как постоянная функция человека, направленная на удовлетворение его потребностей, как воспроизводство условий, средств его жизнедеятельности стал предметом научного исследования в науке Нового времени. Важнейший вклад в его исследование внесли великие экономисты Нового времени Д. Рикардо и А. Смит. Однако лишь Маркс стал рассматривать труд как воспроизводство человеческих отношений. Через его концепцию воспроизводства человек получил возможность рассматривать себя как субъекта своего саморазвития, включающего свои отношения на всех уровнях общества. Иначе говоря, отношения людей перестали односторонне рассматриваться как результат, навязанный людям мирозданием, как внешние условия, которые человек застает при своем появлении на свет. Разумеется, каждый человек неизбежно вынужден адаптироваться к исторически сложившимся условиям своей жизни, осваивать орудия и средства, которые создали до него. Однако на этом формирование, воспроизводство человека не только не кончается, но лишь начинается. Труд, по Марксу, есть творческий процесс, который имеет своим предметом в конечном итоге человеческие отношения, включая политические, экономические, социальные и прочие его формы. Отсюда и постепенное осознание, что само понятие труда требует рассмотрения как особой формы деятельности, который исторически возникает как результат дифференциации, расчленения синкретической деятельности человека. Его развитие происходит как возрастающее богатство его форм. Человеческая деятельность направлена на саморазвитие человека, на выход за рамки собственных исторически сложившихся форм, за рамки ограниченности исторической эффективности, как постоянное стремление к полноте жизни.

Воспроизводственная концепция была сформулирована Марксом как ответ на потребность осмысления общества не только как внешнего условия существования человека, как «среды», но и как результата воспроизводственной продуктивной деятельности, включающей воспроизводство самого человека, всей системы его отношений. Это воспроизводство есть всеобщая форма «самодетельности» человека. Налицо важнейшее теоретическое открытие, по сути, новое определение человека как субъекта, способного постоянно преодолевать свою природную ограниченность, включая зависимость от результатов своей прошлой деятельности, определение человека как субъекта своей собственной истории, развития своих отношений.

Теоретический потенциал этой концепции далеко не исчерпан и несет в себе основу для постижения усложняющегося, изменяющегося общества.

Социально-философский смысл воспроизводственной концепции

Следует отметить, что эта качественно новая постановка проблемы сути общественного воспроизводства оказалась достаточно трудной для восприятия не только в массовой аудитории, но и среди ученых. Причина этого заключалась в бесконечно долгом господстве массовых представлений о внешней заданности человеческих отношений, их «естественности», неотличимости от природных явлений и даже о «естественности» статичных взглядов на общество. Эти взгляды обладали и обладают гигантской силой исторической инерции. Человеческий труд с этих позиций рассматривался как аналог труда, существующего в природе, то есть редуцированного до труда животных (здесь не обсуждается, насколько правомерно использовать понятие «труд животного, муравья» и т. д.). Бесспорно, что стремление к этой аналогии достаточно сильно в разных культурах.

Марксова концепция воспроизводства раскрывает механизм функционирования, взаимной обусловленности общественных структур, их элементов, позволяет рассматривать общество «изнутри» как саморазвивающуюся систему, исследовать его собственное самодвижение. Она предполагает возможность преодоления узости тра-

диционного подхода к общественным процессам, когда явления, общественные структуры, отдельные сферы жизни общества могли восприниматься как самостоятельные сущности, феномены, действующие сами по себе, без учета их действительной роли и участия в функционировании и воспроизводстве общественной жизни как некоего целого. Концепция воспроизводства лежит в основе целостного рассмотрения общества как противоречивого динамичного единства целого и его частей. Она требует рассмотрения общества прежде всего как исторического процесса, включающего историю самосознания человека, то есть субъекта, осознающего свою способность к собственному воспроизводству.

В связи с этим возникает не только проблема дальнейшего анализа непосредственного вклада Маркса в развитие этой идеи. Это блестяще делает В. Межуев¹. Необходимо рассмотреть, в какой степени наука и философия, в частности социальная философия, фактически встали на путь признания труда, деятельности как функции человека, как субъекта развития отношений, самоизменения, человека как субъекта, способного себя критически воспроизводить.

Качественные сдвиги воспроизводственного процесса

Вернемся, однако, непосредственно к рассматриваемой проблеме, но на этот раз под углом зрения ее последствий для методологии познания, для методологии превращения знания в конкретное социокультурное действие, для открывшихся возможностей реализации этого подхода в различных сферах философии и науки.

Новый подход Маркса к воспроизводству как воспроизводству отношений, был не частным, локальным открытием, но фундаментальным новым подходом как к сущности человека, так и к обществу в целом. Это влечет за собой ряд методологических требований к дальнейшему изучению проблемы. Во-первых, из этого подхода вытекает необходимость диалектического рассмотрения мышления и деятельности, что основано на осознании человека как субъекта, вставшего на путь осознания возможности и необходимости выхода из-под власти природной необходимости. Он включает в себя не только осознание человека как субъекта свободы,

¹ Межуев, В. М. Марксизм и большевизм // Экономико-философские тетради. – 2004. – Вып. 2. – С. 24–32; и другие его работы.

что было сделано еще до Маркса, но осознание свободы как способности определять свое общественное развитие, выход человека на уровень развития своей способности как субъекта развития общества. Во-вторых, необходимы изменения взгляда на познание, то есть осознанного перехода от его рассмотрения на основе созерцания, как это имело место в философии Нового времени, к проблемному подходу. Это, в свою очередь, означает необходимость анализа человека как субъекта противоречивого единства познания и деятельности, как превращение познания в культурную основу деятельности, как осознание возможности изменения человека, общества на основе формирования знания, на основе более глубокой интерпретации культуры.

Опираясь на опыт диалектической философии, насчитывающей более двух тысяч лет, Маркс развивал представление о мышлении как проблемном процессе, как специфическом человеческом пути и способе разрешения противоречий всех типов, включая осознание роли противоречий, разрешение которых возможно лишь в процессе изменения отношений людей. Человек, в концепции Маркса, выступает как субъект способности разрешать противоречия не только в логике, в сфере духовной активности, но одновременно в сфере противоречий между ранее сложившимися формами отношений людей и новыми трудовыми, экономическими, политическими процессами, ростом самосознания. Эти противоречия имманентны человеку, всей общественной жизни.

Маркс не был первым, кто концентрировал внимание на противоречиях внутри методов, которые люди использовали в познании. В сущности, вся классическая немецкая философия в той или иной степени пыталась решить эту задачу. В мышлении всегда существовало возрастающее стремление людей освоить это явление, что ярко видно в истории диалектической философии. Еще Кант был озабочен зазором между мыслью и предметом. Ф. Шеллинг ставил своей задачей преодоление противоположностей практически-действенного и теоретически-созерцательного отношения субъекта к предмету. Отсюда его философия тождества бытия и мышления, достигаемого, по его мнению, в сфере художественного творчества. Эта проблема продолжает обсуждаться. По Библеру, в деятельности образуется зазор, лакуна, могущая привести к «опасности»,

«угрозе», возникающей в рамках логики². Эта угроза превращается в «логическую катастрофу»³, то есть в распад ранее сложившегося всеобщего, связанной с ним логики. Опасность дезорганизации мышления в результате этих явлений переходит в изменение программ деятельности, решений субъекта, что, очевидно, порождает дезорганизацию в отношениях между людьми как внутри сообщества-субъекта, так и между ними. Иначе говоря, дезорганизация мышления, культуры лежит в основе потоков дезорганизации, энтропии всего общества, всей системы отношений.

Как же нейтрализовать эти негативные процессы? Как найти синтез, о котором говорил Гегель? Как найти тождество, о котором упоминал Шеллинг? Как преодолеть противоречие, о котором писал Маркс? У Библера все пронизано идеей, что «человеческий интеллект обязательно двухфокусен – он опирается и на “образ мира” (для “очей разума”), и на явления этого образа, этого разумения в словах, в рассудке»⁴. Отсюда пронизывающая всю философию Библера идея челнока, то есть субъекта, мысленно снующего между полюсами двойственности. Все логики разума дуальны, то есть, с одной стороны, нацелены на целостность, целокупность, с другой, на умножение аналитического знания. Каждый из этих аспектов может рассматриваться как основание другого, что прокладывает путь к новой логике. Она возникает как результат функционирования челнока, способности личности, погружаясь в двойственность собственного разума, искать его новую форму, углублять его потенции. «Человек постоянно перепроверяет, соотносит эти два полюса, два фокуса мысли и вне такого соотношения и сопряжения вообще не мыслит жизни»⁵. Челнок может связывать два расщепленных берега человеческой мысли, два противоположных определения всеобщего⁶, объединить их в идее, что является предпосылкой формирования логики, которая должна заместить ранее существовавшую, потерявшую эффективность логику. Следовательно,

² Библер, В. С. Замыслы: в 2 кн. – М., 2003. – Кн. 1. – С. 203; а также кн. 2. – С. 925, 948, 950, 957.

³ Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры. – М., 1991. – С. 137.

⁴ Библер, В. С. Кант – Галилей – Кант (Разум Нового времени в парадоксах самообнования). – М., 1991. – С. 231.

⁵ Там же. – С. 231.

⁶ Там же. – С. 316.

спасение человека, сохранение внутренней логики его мышления и деятельности возможно лишь в одном случае, то есть в процессе развития способности человека постоянно и повседневно преодолевать этот распад, эту двойственность, что возможно лишь в процессе активизации взаимопроникновения расходящихся, а возможно, и разрушающих друг друга полюсов дуальной оппозиции (суб)культуры. Но совершенно очевидно, что решение этой задачи возможно лишь при одном условии: если оно выйдет за рамки чистой логики, чистой мысли, то есть на уровень стремления изменения социальных отношений. Именно этим путем пошел Библер, что позволяет его рассматривать не только как философа культуры, логика, но и как социального мыслителя, что может быть предметом специального рассмотрения⁷.

Речь идет о совершенно конкретной форме, конкретном содержательном пути развития отношений людей, конкретном векторе развития институтов определенного типа. Речь идет о *диалоге* как логике (Библер называет свою концепцию диалогикой) и одновременно как форме общения, форме организации, типе институтов. Именно в диалоге можно видеть конкретную всеобщую форму отношений, которая в конечном итоге направлена на самоизменение, саморазвитие в масштабе общества, цивилизации. Это является достаточно ясным, все более важным для развития общества, воплощением способности труда, умения человека делать свои отношения предметом и результатом собственной деятельности, вырабатывать для этого необходимые программы. Диалог – это условие, средство, без которого любая человеческая деятельность, культура распались бы в результате разрушения, дезинтеграции общего культурного основания групп, сообществ, человечества в целом, что воплощается в человеческих отношениях. Воспроизводство этого культурного основания возможно лишь в диалоге. Понять суть диалога – это значит выявить его движущие силы, заставляющие человека непрерывно спорить с собой, постоянно переопределять себя и другого, вступать в общение с ближними и дальними, и таким образом изменять себя, общество, основы человеческих от-

⁷ Например: Библер, В. С. О гражданском обществе и общественном договоре // Через тернии. – М., 1990; Ахиезер, А. С. Философия катастрофического Мира // Полития. – 2003. – № 3.

ношений, развивать свои способности воспроизводить себя, преодолевать опасный разрыв между причинной и смысловой детерминацией своей деятельности, переосмыслять все, что угрожает культурному основанию диалога. Человек постоянно вступал в противоречие со смысловым аспектом деятельности, например со своей верой в содержание «исторической необходимости», с «обреченностью», со своим представлением о воле богов и т. д., вступал в противоречие с причинами своей деятельности, например с принуждением внешней силой, голодом, недостаточностью ресурсов как детерминирующими факторами и т. д.

Маркс, как и Библер, вошел в философию, когда уже была открыта необходимость преодоления, снятия и т. д. зазора противоречия, раскола. Оба мыслителя конкретизировали эти проблемы своими крайне важными концепциями. Маркс своей идеей труда как фактора воспроизводства отношений людей сформулировал проблему противоречивого единства мысли и деятельности, без разрешения которой люди не могли бы решать проблему воспроизводства во всех точках общества, не могли бы искать новые эффективные формы общения. Библер, в свою очередь, сделал исключительно важный шаг в решении этой проблемы. Он показал, что повышение эффективности решения в процессе усложняющегося общества возможно лишь на основе развития самой логики мышления, смены ее форм, что является результатом диалога. На этой основе возникает практически новая проблема, то есть проблема диалогизации, проблема саморазвития диалога в масштабе человеческой истории как противоречивого развития единства мысли, логики и одновременно формы отношений людей. Диалогизация как развитие диалога, как институт в масштабах истории страны, мировой истории выступает важнейшим представлением о человеке, живущем в истории и определяющем ее развитие, развитие собственных отношений.

Диалог, образующий как логически, так и исторически начало человеческой деятельности, может бесконечно приближаться к идеалу его самоценности, понятому как ценность саморазвития человека, хотя всегда реально, потенциально имеет место и противоположный процесс. Здесь нет возможности касаться проблемы ло-

гики этого процесса. Диалог, а тем более диалогизация, выступает как проблема, которая решается на протяжении всей истории как важнейшая конкретная форма реализации способности труда, деятельности субъекта совершенствовать свои отношения. Важнейшая форма совершенствования, развития отношения людей, их воспроизводства в масштабе истории есть диалогизация. Люди всегда воспроизводили организационные, институциональные формы диалога, но превращение качественного развития в предмет озабоченности, рефлексии – сравнительно позднее явление. Разумеется, в архаичном обществе имело место воспроизводство вечевых институтов. Но в Древней Руси трудно обнаружить их качественное развитие, их развитие как массовой ценности, озабоченность этим процессом, его совершенствованием. Существовало другое явление, то есть приспособление, адаптация вечевых институтов к сложным сообществам. Вечевой институт зародился в малых сообществах, где все знали друг друга в лицо, где формы общения формировались на эмоциональной основе. Перенос институтов этого типа на относительно большие города, жившие по иным законам, по иной логике, и тем более на большое общество в конечном итоге приводил к банкротству этих институтов, основанных лишь на доосевой рассудочности, не поднявшихся до массовой способности осознанно воспроизводить абстракции, оперировать ими.

Для европейского Нового времени характерна диалогизация, то есть качественное развитие институтов диалога на всех уровнях. Оно происходило на основе наследия «осевого времени», на основе способности формировать и оперировать абстракциями. Развитие институтов диалога становится все более важным для понимания механизма общественного развития. Диалогизация – результат все более высокой способности людей формировать, развивать, повышать качественную эффективность форм общественного диалога, соответствующих отношений, формировать логику культуры, соответствующей качественно новому уровню развития человеческих способностей, возможностей, складывающемуся уровню общества. Анализ этого исторического процесса показывает, что открытия Маркса, а также Библера опирались на недостаточно осмысленные, но достаточно мощные массовые процессы. Это особенно ярко про-

явилось в осознании роли и места диалога в историческом процессе⁸. Этот процесс конкретизировался на протяжении истории, достигнув в XIX и XX веках уровня философской и научной рефлексии.

Разнообразие как возрастающий фактор разрешения проблем

Подход Маркса к воспроизводству требует возрастающего усиления внимания к факторам, условиям повышения способности людей формировать все более эффективные проекты, решения. Среди ряда факторов ее повышения важнейшим является рост *разнообразия* условий, средств, которые служат необходимой предпосылкой поиска, формирования соответствующих путей. Следует иметь в виду, что при всей опасности для общества роста дезорганизации, тем не менее, определенный его уровень необходим. Его существование в определенных рамках стимулирует развитие способностей людей формировать инновации, в конечном итоге формировать все более эффективные решения, на которых основано повышение качества эффективности воспроизводства во всех без исключения формах. Исходное разнообразие – необходимая предпосылка формирования проблемного поля, проблемности.

В общественных науках до сих пор не оценены в достаточной степени роль и место разнообразия на всех уровнях культуры и общества. Успехи кибернетики не оказали должного влияния на понимание роли разнообразия в познании и деятельности. Тем не менее накопление в разных науках представлений о превращении сложности в особую проблему, которая может рассматриваться независимо от конкретных форм ее выражения, нашло свое относительное обобщение в появлении кибернетики. Она основывалась на осознании существования столь динамичных сложных систем, что изменение одного фактора служит непосредственной причиной изменения очень многих факторов. Наука стремилась избегать их исследования. Кибернетика открыла новые горизонты. Она «дает нам надежду на создание эффективных методов для изучения *систем чрезвычайной внутренней сложности и управления ими*» (курсив наш. – *Авт.*)⁹. Тем самым «кибернетика дает нам надежду

⁸ См. подробнее: Ахиезер, А. С. Монологизация и диалогизация управления // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2; Ахиезер, А. С., Шуровский, М. А. От диалога к диалогизации (в свете концепции В. Библера) // Вопросы философии. – 2005. – № 3. – ОНС.

⁹ Эшби, У. Р. Введение в кибернетику. – М., 1959. – С. 19.

на создание фундаментальных методов, которые позволяют атаковать психологические, социальные и экономические недуги, *побивающие нас в настоящее время своей внутренней сложностью*» (курсив наш. – Авт.)¹⁰. Кибернетика, по сути, открыла корень современных проблем независимо от их специфики, то есть независимо от того, являются ли они экологическими, техническими, войны и мира и т. д. Множество проблем есть лишь разные формы бесконечно многообразной, но в основе своей единой проблемы, побивающей нас сложностью. Усложнение, по сути, синтетическая опасность. Усложнения – результат роста разнообразия, которое попадает в проблемное поле субъекта. Известный кибернетик Ст. Бир писал, что «степень сложности измеряется разнообразием системы. Термин **разнообразие** достаточно наглядно определяет число различных элементов в системе»¹¹. Усложнение происходит как формирование более мощного разнообразия, множества взаимосвязей между элементами проблемного поля. Разнообразие выступает как объективная характеристика расчлененности мысли, деятельности, общества, несущей усложнение проблем. Рост разнообразия – симптом усложнения общества, роста проблематизации воспроизводства, его культурного основания. Но одновременно рост разнообразия – условие, стимул развития творчества субъекта, то есть повышения способности разрешать проблемы, эффективно воспроизводить себя, общество в целом. Рост разнообразия носит двойственный характер. С одной стороны, этот рост может тормозить углубление понимания наиболее сложных процессов, так как умножение разрозненных знаний без достаточных адекватных обобщений приводит к потере способности адекватно ориентироваться в этом множестве. Но с другой – разнообразие стимулирует развитие. Оно проблематизирует личность, тем самым ставит ее в трудное, сложное положение, возможно, ставит ее на край катастрофы, возможно продвигая ее к логической катастрофе, что чревато социокультурной катастрофой. Эта двойственность уже отмечалась в науке. Например, А. Дж. Тойнби писал: «Человечество нуждается в единстве, но внутри образованного единства оно должно позволить себе наличие многообразия»¹². Отсюда ана-

¹⁰ Эшби, У. Р. Введение в кибернетику. – М., 1959. – С. 20.

¹¹ Бир, Ст. Кибернетика и управление производством. – М., 1965. – С. 66.

¹² Тойнби, А. Дж. Постигание истории. – М., 1991. – С. 599.

лиз динамики воспроизводства требует возрастающего внимания к механизму превращения роста разнообразия в рост творчества личности. Личность, осваивая культуру, выступает как субъект концентрации, аккумуляции разнообразия мировой культуры через те или иные формы диалога и одновременно превращается на этой основе в субъекта, порождающего разнообразие. Рост сложности и интенсивности культуры приводит к разнообразию форм культуры, их усложнению, воспроизводство которых обогащает культуру личности, умножает ее внутреннее богатство. Значение разнообразия заключается в том, что оно побуждается стремлением людей нейтрализовать противоречия, так как любая форма разнообразия создает основу для различий, для возникновения противоречий, что имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, усложнение несет опасность, но с другой – это усиливает потребность субъекта преодолеть двойственность, стимулируя тем самым развитие творческих способностей человека. Преодоление двойственности разнообразия происходит через интерпретацию, через обобщения, через синтез, через развитие способностей человека. В этом ключ к способности личности развиваться в качестве активного субъекта развития общества, общественных отношений, что и является предметом интереса социальной философии.

Разнообразие – мера общественного богатства культуры и одновременно атрибут бытия. Общество существует как качественно неоднородное, разнообразное пространство территории, культуры и т. д. Рост разнообразия общества – основа его устойчивости, в том числе как потенциального носителя новых смыслов, так как разнообразие открывает возможность эффективных ответов на возрастные вызовы истории. Люди нуждаются в естественных, а если таковых не хватает, в искусственных источниках разнообразия, без чего невозможен творческий процесс, невозможно воспроизводство. Интересным фактом такого формирования искусственного источника разнообразия является техническое устройство «дитгер». Во время Второй мировой войны англичане внесли в вычислительное устройство зенитных орудий «небольшой эксцентрик, или вибрационный элемент, который поддерживал весь механизм в состоянии мелких, но быст-

рых вибраций. Этот элемент они назвали “дитгером”¹³. Тем самым порождался необходимый поток разнообразия для эффективной деятельности соответствующего механизма. Можно сказать, что культура, ее разнообразные формы несут в себе своеобразный социокультурный дитгер, постоянно создающий возможность неоднозначной интерпретации. Эффект дитгера пронизывает всю умственную деятельность человека, без которой творческий, интеллектуальный застой был бы неизбежен. В различных формах знания это давно стало предметом внимания. Например, Гераклит был убежден, что им открыт «вечно напряженный и тревожный ритм бытия, всеопределяющий Закон жизни»¹⁴. Этот «тревожный ритм бытия», очевидно, и есть один из механизмов, порождающий разнообразие. Любой акт прогресса немислим без роста разнообразия, который выступает неизбежным, возрастающим по важности фактором воспроизводства эффективных решений, ведущих к значимым изменениям.

Вывод, который можно сделать из вышеизложенного, заключается в том, что культура, по своей сути, функционирует как постоянно порождающая свое собственное разнообразие. Это и создает основу для формирования постоянных инноваций, для решения через диалог, где сталкиваются элементы этого разнообразия, формируются и решаются все более сложные проблемы, как в мышлении, так и деятельности, и на этой основе становятся стимулом, предпосылкой поиска более эффективных человеческих отношений. Тем самым представление Маркса о способности человека воспроизводить, развивать свои собственные отношения конкретизируется как сложный механизм, включающий механизм роста, развития разнообразия, механизм изменения логики.

Иноязычие – форма воспроизводства разнообразия

Границы между языками наращивают многообразие отношений, языковое разнообразие. Отсюда возрастающий интерес к факторам развития разнообразия в языке. В этой связи следует указать

¹³ Пельц, Д., Эндрюс, Ф. Ученые в организациях. Об оптимальных условиях для исследований и разработок. – М., 1973. – С. 230.

¹⁴ Кессиди, Ф. Х. От мифа к логосу: становление греческой философии. – СПб., 2003. – С. 193.

на иноязычие, задающее стимул развитию способностей людей, дающих стимул воспроизводству.

Влияние иноязычия играет исключительно важную роль во всей практической деятельности человека. Формирование личности в условиях культурного многообразия включает усвоение иноязычия, циркулирующего в коммуникативном пространстве. Иноязычие как социокультурное явление есть в первую очередь мощный источник разнообразия в обществе – разнообразия условий, предпосылок творческого развития личности. Иноязычие – **особый институт**, порождающий разнообразие, складывающийся в результате интенсификации диалогической нагрузки, диалогической активности личности на границах между языками, то есть, иначе говоря, на границе между двумя и более элементами разнообразия, точнее, подмножествами разнообразия. Характерным признаком культурного, коммуникативного пространства является калейдоскоп вербальных и невербальных языков, что повышает разнообразие. Рост иноязычия может рассматриваться как фактор, проблематизирующий коммуникацию. Иноязычие носит двойственный характер. Его позитивный потенциал возникает из возможности доступа к культурному разнообразию других стран и народов, негативный потенциал – это результат увеличивающейся сложности коммуникативных процессов на основе противопоставления групп людей на языковой основе, доведения его до возможности конфликта, обострения проблемы перевода-интерпретации. Позитивный аспект возникает для личности как возможность, как потенция, как стимул, и человек получает его не в дар, но должен выявить как возможность напряженно развивать свои способности к решению все более сложных проблем, включая проблемы формирования новых отношений.

Рост разнообразия увеличивает требования к диалогу культур, к его расширению и углублению, осмыслению проблемной языковой нагрузки на личность как фактора формирования человека в обществе, вставшем на путь развития открытости. Любой естественный язык воспроизводит разнообразие, о чем говорит теория лингви-

стической относительности Сепира – Уорфа¹⁵. Структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Тем самым рост языкового разнообразия усложняет мир личности, насыщает его разнообразием, порождая позитивные и негативные последствия, проблематизируя человеческий мир.

Иноязычие обусловлено интенсификацией взаимопроникновения языков (естественных и языков культур), оказывающих влияние на личность, общество в целом. Исследователь Л. П. Крысин писал, что причина иноязычного заимствования заключается в «потребности наименования новых вещей, нового явления»¹⁶. Причиной иноязычия выступают не только новые явления культуры, но и внутренняя проблемность перевода-интерпретации нового культурного конструкта, явления, то есть поиска комфортного перевода. Чем сложнее этот перевод, тем больше повышается потребность в культурном синтезе, в потребности в обобщениях.

Было бы глубокой ошибкой редуцировать иноязычие, его значение как всего лишь результат заимствования элементов иного языка. В этом лишь начало проблематизации личности в результате языковых задач в процессе усложнения общества. Иноязычие должно рассматриваться в плоскости развития и совершенствования каждого из вступающих в процесс взаимопроникновения языков, как результат проблематизации перевода между ними. Язык, составляющий важнейший элемент воспроизводства общества в целом, постоянно изменяется. В нем происходят сложные логические процессы: от конкретного к абстрактному, от абстрактного к конкретному, обновление лексики (достигающего, например, в прошлом веке во Франции 25 % за каждые 10 лет), развитие многоплановости и подвижности слов, что происходит по определенным закономерностям. Меняется также отношение людей к языку. Происходит формирование семантических конгломератов и т. д. При этом «на одном этапе один язык “протягивает руку” другому, на

¹⁵ Чебанов, С. В. Разнообразие // Теоретическая культурология. – М. – Екатеринбург, 2005. – С. 527.

¹⁶ Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996. – С. 149.

следующем этапе другой язык помогает первому»¹⁷. Отсюда необходимость развития категории перевода-интерпретации, связанной со способностью людей к взаимопониманию культур. Овладение этой способностью становится все более важным элементом воспроизводства культуры, решений, ведущих к новым отношениям, к новым логическим идеям.

Перевод-интерпретация является формой саморазвития личности, так как, подыскивая комфортные формы, производя акт интерпретации в условиях современного усложняющегося общества, человек развивается интеллектуально, ищет качественно новые решения в условиях культурного, межкультурного разнообразия. Осваивая новый язык, новую культуру, личность развивается через осмысление разнообразия культур. Этот процесс приводит к массовому и одновременно индивидуальному изменению культуры и отношений. Повышается культурный потенциал человека, что в конечном итоге дает новый стимул развитию личности и обществу в целом, развитию новых отношений как внутри культуры, так и между людьми разных культур. Такой перевод есть глубочайшее обобщающее творчество, необходимое для воспроизводства, включая воспроизводство отношений. Этот поток новых смыслов содержит в себе потенциал сдвига в человеческих отношениях.

Иноязычное разнообразие является одновременно содержанием личностной культуры личности, основой формируемых ею решений. Действительно, каждый язык из примерно 6700 сегодня существующих является сокровищницей многообразных смыслов бытия, носителем уникальных традиций, мыслей и культур. Любая потеря языка является исчезновением колоссальной массы знаний и обеднением нашего культурного наследия и потенциала.

Специфика иноязычия заключается в том, что присущая ему двойственность требует от человека неуклонного повышения способности ее преодолевать. Для иноязычия характерно: а) двойственность его последствий для общества; б) жизненная важность возрастания масштабов языкового перевода, представляющего собой особый случай интерпретации, как формы существования, раз-

¹⁷ Будагов, Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? – 2-е изд. – М., 2004. – С. 79 и др.

вития культуры; в) превращение перевода-интерпретации в поиск качественно нового языкового и одновременно смыслового синтеза; г) превращение результатов нового смысла в основу самоизменения человека – субъекта этого процесса, общества в целом, изменения отношений. Культура вся пронизана этим стимулирующим механизмом. Иноязычие всего лишь один из специфических примеров этих процессов.

Ясно, что знание о воспроизводственном процессе все более углубляется, конкретизируется, раскрывая значимость в рамках этого процесса языковых и логических процессов. Очевидно, работа по конкретизации содержания воспроизводственного процесса не может прекратиться, как не может прекратиться дифференциация, усложнение самого общества, что требует анализа и других процессов, имеющих отношение к воспроизводству человеческих отношений.

Следовательно, идея развития человеческих отношений как результата творчества субъекта пронизывает всю человеческую культуру, язык.

Возрастающая роль интерпретации культуры

Идея «новой парадигмы» или «прагматического переворота» в исторической науке, в социальной истории¹⁸, возникшая в середине 90-х годов, открывает новые возможности для анализа механизма формирования социокультурных сообществ, включая воспроизводство внешних и внутренних отношений этих сообществ. Центр внимания переносится на фиксированные в культуре ценности и цели субъекта, то есть на то, что определяет вектор воспроизводства.

Культура, понимаемая как важнейшее определение человека в его динамике, как его способность развивать свои способности, воспроизводить свой потенциал в рамках всего общественного воспроизводства от освоения результата прошлого опыта к новому результату, является имманентным механизмом воспроизводства. В конечном итоге культура реализуется в продуктивной деятельности, во всех результатах, в активизации человеческих способностей. Содержание этой деятельности есть, прежде всего, развитие человеческих возможностей, стимулируемых возрастающим разно-

¹⁸ Копосов, Н. Е. Как думают историки. – М., 2001. – С. 45.

образом, возможность формирования новых логических идей, на их основе новых отношений.

Современные представления о культуре свидетельствуют, что она выступает, прежде всего, как работа человека над постоянным переосмыслением накопленного культурного богатства, над саморазвитием, включающим культуру и отношения людей. Это возможно лишь как процесс потенциально бесконечной интерпретации субъектом всех элементов ранее сложившейся культуры, как переосмысление всех ранее сложившихся смыслов, как их критика и одновременно переосмысление, критика человеческих отношений. Это происходит через интерпретацию субъектом противоречивого единства культуры и отношений. Любой субъект постоянно почти автоматически или осознанно интерпретирует свою культуру, пытаясь приспособить ее к непрерывно изменяющимся условиям, средствам и целям, к своему личностному культурному богатству. Кто может помешать субъекту интерпретировать все что угодно посредством интерпретации любого осваиваемого смысла, элемента культуры любую форму его отношений? Человек практически постоянно имеет дело лишь с интерпретируемой, переинтерпретируемой культурой и отношениями. Результаты этой никогда не останавливающейся интерпретации постоянно кладутся в основу последующей воспроизводственной деятельности субъекта, в основу проектов, планов, гипотез, решений. Без (пере)интерпретации нет освоения культуры, освоения сложившейся системы отношений, то есть нет культуры как содержания личностного сознания, деятельности, нет культуры как таковой и, следовательно, не может быть воспроизводства. Человек постоянно как бы корректирует сложившуюся культуру, что превращает воспроизводство в динамичный процесс, на всех уровнях воспроизводства. Интерпретация – это механизм изменения культуры, путь поиска компромисса между адаптацией и попытками субъекта выйти к будущему, поиск меры отношений между культурой и отношениями людей. Решение именно этой задачи требует способности как бы прощупывать, зондировать будущее. Это делается посредством своеобразных логических гипотез, которые выходят за рамки гипотез, основанных на вариантах, несомых прошлым повседневным опытом. Каждый акт интерпретации есть элемент самоопределения, точнее,

самопереопределения субъекта, всех его аспектов, включая программы воспроизводства.

Сама культура возникла как способность субъекта к постоянной интерпретации. Она помогает понять суть общества как инновационного процесса, как проявления творчества миллионов, каждой личности, которая, будучи субъектом накопленной культуры, может мыслить и действовать самостоятельно и одновременно совместно. Иначе говоря, исторический процесс непосредственно может быть объяснен конкретной способностью соответствующего субъекта, соответствующей группы людей, групп, составляющих значимое меньшинство, все общество, интерпретировать свою культуру, вносить массовые изменения в свою культуру, в свой воспроизводственный процесс.

Любое общество, даже самое консервативное, несет в себе определенные циклы, ритмические изменения¹⁹. Циклы во всей их противоречивости хотя и навязываются каждому человеку инерционными силами прошлого, инерцией истории, тем не менее воспроизводятся личностью через интерпретацию, то есть они постоянно корректируются, несут определенный уровень интерпретации. Сюда включается критика исторической инерции, исторического опыта. От потенциала этой критики как элемента интерпретации зависит усиление или ослабление этих ритмов, в конечном итоге – реализация или преодоление скрытых в них опасностей, возможностей их разрушения. Характер, содержание этих изменений является важнейшей характеристикой специфики воспроизводства культуры, появления качественно новых возможностей поиска путей развития отношений, возникновения новых логических идей.

Следовательно, из самой природы культуры, ее интерпретационного характера вытекает возможность человека интерпретировать свои отношения, проектировать их изменения, способность наращивать эту возможность.

* * *

Воспроизводственная концепция К. Маркса создала методологическое основание для понимания общества, любого сообщества

¹⁹ Ахиезер, А. С. Логика культуры и динамика циклов // Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве. – М., 2004.

как постоянного повседневного результата деятельности людей в качестве субъектов культуры, общественных отношений, субъектов массовой творческой деятельности, то есть как целостного противоречивого воспроизводственного процесса, совпадающего в конечном итоге с человеческой историей. Сегодня, через много лет после возникновения этой концепции, можно сделать вывод, что эта центральная методологическая идея оказалась непоколебленной и даже не ставшей предметом серьезной критики. Но одновременно не менее важно понять, что конкретное содержание этого процесса интерпретировалось как все более широкое понятие, включающее в себя новые сферы духа, жизни общества.

Открытое Марксом положение о том, что человек есть субъект воспроизводства своих отношений, как и все великие идеи в общественных науках, сыграло в обществе двойственную роль. С одной стороны, оно выявило новые важные пути общественной науки, так как показало, что суть общества невозможно искать в его статике, что понять общество – значит осмыслить его как исторический процесс, что общество, рассматриваемое в какой-то момент времени как прошлое или настоящее, лишь преходящий момент истории. Выявилось, что история методологически первична для изучения общества. Более того, выявилось, что развитие общества должно рассматриваться как результат повседневной и одновременно всемирно исторической деятельности человека. Это противоречие между функцией человеческой деятельности, взятой в ее повседневности, и функцией этой деятельности как формирования всемирной истории есть внутреннее противоречие самого человека, которое повседневно преодолевается им самим. Во всяком случае, такая возможность существует. Это могло методологически вооружить науку основанием для изучения развития человеческих способностей и возможностей, дать новый импульс для понимания человеческой истории.

Однако эта идея Маркса открывала и другую возможность. Она падала в среду людей с низким, по конкретно историческим меркам, уровнем культуры, к демагогам и политическим спекулянтам, которыми эта идея трактовалась как санкция на волюнтаризм и политическое насилие, где субъект, как и вся масса людей, достигших определенного уровня ответственности, квалификации, нравствен-

ности, игнорировался. В качестве идеала при этом выдвигалась застывшая статичная утопия, утопия именно потому, что она статична. И в качестве субъекта выделялась узкая группа лиц, пытавшихся занять место демиургов истории, что приводило лишь к катастрофам, к подмене реального творческого процесса, к возврату к архаике. Это различие интерпретаций разделяло, например, Плеханова и Ленина, которые оба считали себя марксистами. В результате победы ленинской интерпретации реальное содержание открытия Маркса оказалось подавленным и не выявило своего потенциала в должной степени.

Логика развития философии и отдельных наук не опиралась в должной степени на рассматриваемую идею Маркса в результате безмерной политизации его учения, прямого незнания его идей. Это привело к слабости методологического основания изучения общественной жизни с точки зрения центральной роли в ней развития способностей людей, прежде всего способностей повышать эффективность воспроизводства общества на всех уровнях, воспроизводства общественных отношений.

Все это формирует необходимость изучения истоков рассматриваемой идеи, использование ее результатов как возможной методологической основы дальнейшего развития социальной философии, связанных с ней исследований современности соответствующей группой наук.